

УДК 81'366.5(=511.142)

С.В. Онина

Морфемная структура хантыйского слова

Аннотация. Впервые на материале хантыйского языка рассматриваются вопросы морфемике. Обращение к этой теме вызвано не столько неизученностью грамматических категорий в хантыйском языке, сколько почти полным отсутствием работ, посвященных морфемике. Морфемика позволяет получить сведения о строении слова, широко используемые в словообразовании и морфологии хантыйского языка. В данном материале, учитывая, что слово является лексико-грамматической и синтаксически цельной единицей языка, соответственно оно (слово) нами признается как система словоформ, а словоформа – как одно из разнообразных проявлений слова.

Ключевые слова: морфема, словоформа, корневая морфема, суффиксальная морфема.

S.V. Onina

Of Khanty words morphemic structure

Summary. For the first time morphemics questions are considered on the material of the Khanty language. We appeal to this subject not because of the lack of study of the grammatical categories in the Khanty language, but due to the absence of papers devoted to morphemics. Morphemics provides information about the words structure which is commonly used in word formation and morphology of the Khanty language. In this article we consider a word as a lexical-grammatical and syntactic unit of the language; that is we admit it (a word) to be a system of word forms, and a word form is one of the various manifestations of the word.

Keywords: morpheme, word form, root morpheme, suffixal morpheme.

В данном материале, учитывая, что слово является лексико-грамматической и синтаксически цельной единицей языка, соответственно оно (слово) нами признается как система словоформ, а словоформа – как одно из разнообразных проявлений слова. Если слово (лексема) в грамматическом понятии является структурной единицей языка вне конкретного употребления в речи, т.е. охватывает все многообразие своих форм, то словоформа – «речевое употребление слова в данной грамматической форме, точнее слово в одной из своих форм» [1, 189]. Следовательно, любая словоформа располагает отдельными синтаксическими свойствами, т.е. способностью определенным образом совмещаться с другими словофор-

мами при построении фразы. Лексема (слово) представляется в виде единицы, находящейся вне синтаксической обусловленности. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» определение словоформы следующее: «Словоформа – слово (лексема) в некоторой грамматической форме (в частном случае – в единственно имеющейся у слова форме)...» [2, 470]. Таким образом, рассматривая важные части слова и его морфологическую структуру, нужно придерживаться жесткого размежевания понятий «слово» и «словоформа».

Исследование словоформ приводит нас к вопросу о составе и структуре слова¹, где формы словоизменения и формы словообразования выражаются определенными показателя-

¹ Следует различать состав слова и структуру слова. Общими элементами в них являются аффиксы, отличающимися – корни, с одной стороны, и производящие основы – с другой. Следовательно, состав слова и структура слова тесно связаны между собой, их нельзя отрывать друг от друга, как нельзя и отождествлять.

ми, которые большей частью представляют какие-либо части слова, имеющие определенные значения – морфемы.

Традиционно исследователями морфема рассматривается как единица, соотносящая план выражения с планом содержания, т.е. понимается как двухсторонняя знаковая единица. В.В. Лопатин в своей монографии «Русская словообразовательная морфемика» дает следующую дефиницию морфемы: «Морфема – двусторонняя единица, формальная сторона которой неотделима от семантической» [3, 18].

А.Н. Тихонов утверждает, что при допущении существования «асемантических морфем», располагающих только «структурной функцией», расщепляется представление морфемы, «границы морфемы становятся неопределенными и расплывчатыми. Практически следуя этой формулировке, к морфемам можно отнести любые части слова» [4, 47].

Г.Ф. Федунева в коми языке определяет морфему как «минимальную значимую часть слова, характеризующуюся относительной самостоятельностью и устойчивостью» [5, 267; 6, 5; 7, 20].

Мы в настоящей работе будем придерживаться следующей дефиниции: Морфема – наименьшая (предельная, неделимая далее без потери данного качества) и регулярно воспроизводимая согласно моделям данного языка единица системы выражения, непосредственно соотносимая с соответствующим ей элементом системы содержания.

Однако прежде следует заметить, что в морфологии, как ни странно, не существует общепринятого однословного термина для наименования морфемы. И, как следствие, неоднозначное отношение к морфеме как наименьшей (предельной, неделимой далее без потери данного качества) и регулярно воспроизводимой согласно моделям данного языка единице системы выражения, непосредственно соотносимой с соответствующим ей элементом системы содержания. Корневая морфема выражает собственно лексическое значение, а аффиксальные же выражают различные отношения данного слова к другим словам в предложении, точнее, в словосочетании, т.е. выражают грамматическое значение. Обычно

в этом значении используется и термин *показатель* (англ. *marker*), но этот термин оказывается точным и однозначным только при добавлении соответствующего определения (*грамматический показатель*). С точки зрения морфологии этот факт имеет следующее важное следствие. В языке с морфологическим (т.е. внутрисловным, или «синтетическим») выражением грамматических значений корневые морфемы, выражающие лексические значения имен и глаголов, никогда не выступают изолированно, а сопровождаются морфологическими показателями соответствующих граммем. Именные и глагольные словоформы в таких языках складываются из двух частей: основы (состоящей из корня и, возможно, каких-то неграмматических, т.е. словообразовательных аффиксов) и флексии (окончания) (состоящей из грамматических показателей) [8, 37-80].

Использование термина «окончание» вместо «словоизменяющий суффикс» искажает само понятие окончания, которое занимает конечное положение в слове, что возможно только для флективных языков с развитой кумуляцией. Необходимо также отметить, что суффиксами одни лингвисты называют лишь словообразовательные аффиксы, стоящие позади корня, морфемы же словоизменения, выражающие различные отношения, в которые вступает данное слово, называют окончаниями [9, 55].

Другие же лингвисты называют суффиксами любые морфемы, стоящие после корня, разграничивая при этом, конечно, словообразовательные суффиксы и суффиксы словоизменения и рассматривая окончания как один из видов суффиксов. Совокупность корня и словообразовательных аффиксов (т.е. часть слова, являющаяся носителем лексического значения слова, за вычетом той части, которая выражает различные отношения данного слова в составе предложения или словосочетания) принято называть *основой* слова [10, 7-11; 11, 251-253].

Традиционный термин *флексия*, а «в русской грамматической традиции – термин окончание – с точки зрения морфологической типологии не вполне корректен», – как считает В.А. Плунгян, – поскольку грамматические

значения в языках мира могут выражаться не только «оканчивающими» основу суффиксами, но и «начинающими» ее префиксами, не говоря уже об инфиксах и трансфиксах. В то же время не всегда верно и то, что флексивные морфемы являются наиболее периферийными в словоформе (т.е. самыми первыми или самыми последними, при условии их префиксального / суффиксального выражения). В языках мира хорошо известен феномен «экстернализованных» аффиксов» [12, 22], нарушающих этот принцип.

В финно-угорских языках термин «словоизменяющий аффикс» имеет наиболее противоречивое толкование. Как замечает Т.Г. Ванцова, «объем содержания этого суффикса колеблется от широкого понимания любого словоизменения (в том числе и формообразования) до исключения из его содержания собственно словоизменения» [13, 127]. Для грамматических показателей, выражающих отношения между членами предложения (то, что мы называем собственно словоизменением), часто используются термины «флективная морфема», «флективный суффикс», «флективный словоизменяющий суффикс» [14, 4-15], «грамматическое окончание» [15, 16], собственно «окончание» или флексия [7, 94-100].

В работах современных хантоведов также весьма неоднозначным является отношение к самим терминам морфологического порядка. Например, А.Д. Каксин в одной из своих работ, посвященной выявлению структуры и описанию функций глагольных категорий наклонения и времени в хантыйском языке, использует термин «форма», применяемый при анализе парадигм. А.Д. Каксиным выделяется несколько случаев использования данного термина: «говорят вообще о форме той или иной категории: это «форма наклонения», «временная форма» и т.п. Другой случай – когда имеется в виду определенная форма из числа составляющих парадигму, например, форма прошедшего времени. В этом случае указывается категориальное значение формы, вытекающее из ее оппозиции к другим формам данной категории. Термин «форма» употребляется в обоих смыслах, а также для обозначения синтаксической функции (финитная / инфинитная форма)

и способа передачи грамматического значения (синтетическая / аналитическая форма)» [16, 6]. В этой работе, в отношении тех или иных показателей, редко используется термин «аффикс» или «формант», или «материальный показатель», являющийся естественным средством грамматического значения той или иной грамматической формы [11, 19].

И.А. Николаева, описывая обдорский диалект хантыйского языка, относительно словоизменяющих и словообразовательных формантов часто оперирует термином «аффикс», который используется как морфема, выделяющаяся в составе словоформы, видоизменяющая значение остальной части слова, называемой по отношению к аффиксу базой, и в зависимости от положения в конце слова суффиксом [17].

Так, В.Н. Соловар, исследуя парадигму простого предложения в хантыйском языке, а именно валентностные свойства хантыйского глагола, выделяет префиксоиды, суффиксы, полнзначные слова, отмечает, что в составе предиката «морфологические средства, которые, в разных отношениях модифицируя семантику глагола, к которому они присоединяются, позволяют изменять число глагольных валентностей. <...> Можно утверждать, что валентность, в свою очередь, зависит от характера глагольной основы, в частности от наличия / отсутствия превербов и набора аффиксов. <...> Наличие некоторых суффиксов в составе предиката изменяет количество валентностей, что приводит к изменению структуры и семантики формируемого ими предложения. <...> Глагольный суффикс может увеличивать количество валентностей и уменьшать их» [18, 13-25].

Как видно из небольшого анализа источников, проблему строения хантыйского слова, в том числе общий состав аффиксов, их семантика, функции и сочетаемость, еще предстоит уточнить. Пока, в имеющихся исследованиях на материале хантыйского языка, в зависимости от тематики, цели и поставленных соответствующих задач, по мере необходимости привлекаются и описываются особенности морфем, выявляющиеся в составе словоформы, как видоизменяющие значение остальной части слова.

В хантыйском языке, как и в других финно-угорских языках, традиционно выявляются корневые морфемы, выражающие основное значение данного слова, и аффиксальные морфемы, видоизменяющие значение корня в различных словах. В описательных грамматиках определенное место отводится превербам, к которым, в силу их графического оформления и других причин, отношение неоднозначное. Суффиксами принято называть все морфемы, размещающиеся после корневой морфемы и распределяющиеся на словоизменительные и словообразовательные суффиксы. Особая значимость аффиксальных морфем, в особенности суффиксальных, подчеркивается всеми исследователями хантыйского языка.

Следует также обратить внимание и на то, что многие проблемы морфематики в финно-угорском языкознании недостаточно разработаны и вопрос о морфемной структуре слова представляет особый интерес. В финно-угорском языкознании до сих пор не получили точного и полного определения корневые, аффиксальные и побочные морфемы, составляющие слова, и не проведена классификация всех вычленяемых морфем. Но все же такая попытка предпринята и наиболее удачно проблемы морфематики рассматриваются на материале мордовского языка в работе Т.Г. Ванцовой «Морфемная структура мокшанского языка» [13]. Кроме этого имеются более ранние отдельные публикации, посвященные исследованию морфематики [19; 20; 6].

Структура слова в финно-угорских языках является весьма сложной, но вместе с тем прозрачной и поддается более точному анализу, чем структура слова в языках флективных. Все морфемы финно-угроведами распределяются на основные (лексические) и дополнительные (грамматические). Основные морфемы (корень и основа) выражают ядро слова и являются основной как материальной, так и смысловой стороной ее структуры, выступая самостоятельными словами по лексико-семантическому значению и функции. Дополнительные морфемы (аффиксы) являются связанными (зависимыми). Вне основных морфем самостоятельно не употребляются и располагаются после основных морфем, которые при этом остаются

неизменными. Основные морфемы являются носителями самостоятельного лексического значения, а дополнительные выражают абстрактное и грамматическое значение. Соответственно «основные морфемы являются самостоятельной лексической единицей, а дополнительные самостоятельно не употребляются и реализуются лишь в сочетании с основной морфемой» [13, 16].

К сожалению, на материале хантыйского языка многие вопросы морфематики, несмотря на кажущуюся ясность, основательно не рассматривались и требуют систематического анализа. Обращение к этой теме вызвано не столько неизученностью грамматических категорий в хантыйском языке, сколько почти полным отсутствием работ, посвященных морфематике. Последняя позволяет получить сведения о строении слова, широко используемые в словообразовании и морфологии.

В хантыйском языкознании нет специальных исследований, посвященных вопросам морфемной структуры хантыйского слова. Состав слова рассматривается лишь в учебнике «Хантыйский язык» для педучилищ в разделе «Морфология». В составе хантыйского слова выделяются два типа морфем: корневые и суффиксальные. Суффиксы, в свою очередь, делятся на словообразовательные и словоизменительные [21, 48-50; 22].

Таким образом, следуя выше представленному обзору (в современном хантыйском языке), мы будем учитывать в нашем материале слово в полной морфологической структуре со всеми словоформами, т.е. как систему словоформ и как известную последовательность, символизирующую совокупность словоформ, содержащих грамматические показатели, образующих целостную структуру, представленную в виде парадигмы, в морфемной структуре. Морфема в настоящем фрагменте рассматривается в качестве простейшей единицы описания, носящей знаковый характер, обладающей свойствами предельности (неразложимости) и целостности. Поэтому морфема представляет собой минимальную значимую единицу языка, ее значимость обуславливается участием в составе слова. Точнее, в данное изыскание мы вкладываем узкое понимание морфемы.

И, прежде всего, нас интересуют лишь корневые и аффиксальные морфемы². Надо заметить, что существует и широкое понимание морфемы, но такой задачи мы не ставим перед собой в настоящем разделе исследования, т.к. это отдельная самостоятельная большая значимая проблема, которую в дальнейшем необходимо решить в хантыйском языкознании³.

В имеющихся источниках в структуре хантыйского слова выявляются корень и суффиксы. Корень определяется как общая часть родственных слов, выражающая основное значение слова. Например, в словах *ulti* 'жить', *ulələti* 'поживать', *uləpsa* 'жизнь' производная основа *ul* имеет значение 'жить'. Весьма противоречиво определен суффикс – как часть слова, которая находится в составе основы, а суффиксы, в свою очередь, могут быть словообразовательными и словоизменительными. Основа – носитель лексического значения слова, ее составляют словообразовательные суффиксы вместе с корнем слова. Далее определен порядок следования словообразовательных и словоизменительных суффиксов [21, 48-50].

Мы же предлагаем распределить в хантыйском языке морфемы на несколько структурных подгрупп, но прежде всего выявим основные и дополнительные. В число *основных морфем* входят первичные корни и корни-основы. *Дополнительные морфемы* представлены аффиксами префиксоидами, суффиксами и соединительными морфемами. Самостоятельную подгруппу составляют *побочные морфемы*.

Итак, прежде рассмотрим *основные морфемы*, представленные первичными корнями и корнями-основами.

Как справедливо замечает Т.Г. Ванцова, «в специальной литературе (научной и учебно-методической) наблюдается разноречивое понимание сущности морфемного инвентаря структуры слова. Особенно это касается таких понятий, как «основа» и «корень».

Ряд исследователей избегают дифференцированного подхода к данным понятиям, идентично употребляя эти термины для обозначения совершенно разных единиц структуры слова.

Как известно, понятия «корень» и «основа» – не одно и то же. Корень – непродвиженная основа, не заключающая в себе никаких аффиксов, являясь центральной морфемой в составе слова, включает в себя узловую идею родственной группы слов. Корневая морфема служит ядром, на основе которого формируется конкретное значение слова. Основа же – это часть словоформы без словоизменительных и формообразовательных суффиксов. Она служит носителем лексического значения слова. По своему характеру оно уже, имеет более конкретное значение, чем корень» [13, 17]. Поэтому нельзя отождествлять лексическое значение (значение основы слова) со значением корня слова, если даже основа является непродвиженной.

Значение *корня* – это то смысловое ядро, которое имеется во всех родственных (однокоренных) словах, в то время как лексическое значение (значение основы слова) – это смысловое содержание только одного слова [23, 15].

В финно-угриктике, когда речь идет о составе слова, корень и основа в целом считаются корневой частью, поскольку они по лексико-семантическому значению и функциям могут служить самостоятельными словами, хотя имеют производные формы. Корни подразделяются на первичные (этимологические) корни и корни-основы. Корень является общей морфемой группы производных слов, имеющих в основе общее лексическое значение. Он выявляется путем устранения всех суффиксов (словообразовательных, формообразовательных и словоизменительных). Корневая морфема является центральной в составе слова [13, 17].

² При узком понимании морфемой называется только мельчайшая часть слова – корень, суффикс, приставка, окончание. Узкое понимание разрабатывается сторонниками Московской лингвистической школы.

³ При широком понимании морфемой называют мельчайшую значимую единицу языка. Морфемы делятся на сегментные (морфемы – части слова) и суперсегментные (акцентологическая кривая, различающая слова и формы слов: за'мок и замо'к; к морфемам причисляют служебные слова, предназначенные для выражения грамматических значений, например, предлоги, артикли, частицы). Сторонником широкого понимания морфемы является американский лингвист Ч. Хоккет.

Итак, *первичные корни* – это морфемы, которые автономно не используются, но являются основным ядром (основой основ) слов и словоформ, производных от них. Такие морфемы обычно обнаруживаются путем привлечения надлежащих автономных и независимых корневых морфем из родственных языков. Например, в хантыйской лексеме *jän* ‘тетива’ обнаруживается «уральский архетип: В *jänte* и имеются соответствия в финно-угорских языках (ср.: мс. *jantaw*, в. *ideg* ‘нерв’, ‘тетива лука’, мр. *ïïdän*, сам. н. *jen*, ф. *jänne* (*jänteen*) и, возможно, от него отыменное производное имеется в саамском с. *jetti-* ‘взводить курок’, ‘поставить западню» [24, 409].

Корни-основы – слова совершенно не осложненные никакими аффиксами, являющиеся в одно и то же время и корнем и основой, например: *jert* ‘дождь’, *χйw* ‘длинный’, *jälär* ‘новый’ и др. Подобные единицы могут использоваться и в качестве основ для образования других различных производных основ и в качестве самостоятельных корней. Д.В. Цыганкин аналогичные корневые морфемы считает свободными корневыми морфемами. Он пишет: «Корень и основа материально могут совпадать. В таком случае они выступают синкретично, слитно, в одной неделимой части... В данном случае корневая морфема обладает признаком автономности, т.е. реально встречается на правах отдельного слова. Она является свободной корневой морфемой» [25, 7]. С помощью словообразовательных суффиксов образуются производные основы. Производные основы отличаются от исходной единицы только на одну формальную операцию. Они образуют по отношению к исходной единице прямую значимую оппозицию, повторяющуюся в другой серии и воспроизводимую регулярно в другой паре однотипных образований [26, 183; 23, 14-15]. Особенности морфологического и синтаксического способов словообразования в хантыйском языке может быть обусловлено структурное разнообразие. Производной может быть основа и в составе сложных (*χотχар* ‘пол’, *tutχot* ‘кошелек’, *jošpos* ‘подпись’) и парных слов (*säm-möχäl* ‘внутренности’, *jos-kür* ‘конечности’, *χusli-sijli* ‘бесшумно»). А также производной основой может быть один из эле-

ментов составного имени (*küräj woj* ‘лось’, *töχläj χор* ‘самолет’, *rewälti χot* ‘баня’).

К *дополнительным морфемам* имеют отношение аффиксы и побочные морфемы. Аффиксы уточняют и конкретизируют значения стержневых морфем и в отличие от корневых морфем они реализовывают служебную функцию и по отношению к ней не могут быть свободными [13, 21]. В структуре хантыйского слова они представлены суффиксами и соединительными морфемами и префиксоидами.

В финно-угорских языках традиционно, особенно в последнее время, большинством финно-угроведов все *суффиксы* распределяются на: словообразовательные, словоизменительные и формообразовательные. Словообразовательные суффиксы определяются как деривационные, словоизменительные – как реляционные, а формообразовательные – как реляционно-деривационные. Словообразовательные суффиксы служат для производства новых слов. Детерминирующей функцией словоизменительных и формообразовательных суффиксов является то, что они создают формы слов. Поэтому критерии разграничения словообразовательных и формообразовательных суффиксов связаны так или иначе с тем, что посредством их присоединения к словам в языке оформляются разные структурные единицы [19; 5; 13]. Важно заметить, что если при разграничении словообразования и словоизменения (как мы ранее отметили, что к словоизменению относится и формообразование) как бы не возникает противоречий, но проблема отграничения формообразования от словообразования и словоизменения до сих пор является дискуссионной и соответственно несколько проблематичной для выявления тех или иных аффиксов.

Попыткам выяснения лингвистической природы и разграничения словообразующих, формообразующих и словоизменительных морфем посвящены работы И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы, В.А. Богородицкого, Л.А. Булаховского, Г.О. Винокура, Ф.Ф. Фортунатова, В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, К.А. Левковской, Е.А. Земской, В.В. Лопатина, В.Н. Ярцевой, Е.С. Кубряковой, А.А. Зализняка и др. В этих исследованиях границы опреде-

ляются следующим образом: границы словообразования, формообразования, словоизменения. Словообразование – образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокорневых слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации, словосложения, конверсии и других формальных формантов. Словоизменение – образование для каждого слова (кроме слов неизменяемых частей речи) его парадигмы, т.е. всех его словоформ и всех его аналитических форм. Формообразование – образование грамматических форм слова.

Как подчеркивает Г.Р. Абдуллина, исследовавшая формообразование и словоизменение в башкирском языке, «для формообразования типична бо́льшая унифицированность служебных морфем, образующих соответствующие формы, обычно выбор той или иной морфемы (варианта морфемы) определяется окружением. В плане содержания для формообразования характерна передача широких, абстрактных значений» [27, 17].

Н.А. Лыкова отмечает, что «сами по себе, в чистых и бесспорных проявлениях, словообразование и словоизменение достаточно отличаются друг от друга. Но на стыке этих явлений одно переходит в другое, образуя широкую полосу переходных случаев. Эту полосу следует выделить в самостоятельную рубрику, соотносимую, с одной стороны, со словоизменением, а с другой – со словообразованием. Эту рубрику целесообразно назвать формообразованием» [28, 49-51]. Далее, анализируя суффиксы, приходит к выводу, что «полное или относительно полное лексическое тождество между членами словоизменительных корреляций сближает словоизменение и формообразование. Отличаются они тем, что члены словоизменительной корреляции невыводимы одно из другого, в то время как второй член формообразовательной корреляции выводится из первого и производится им. Общим между формообразованием и словообразованием является производность второго члена корреляции по отношению к первому. Отличаются же формообразование и словообразование тем, что в первом случае между членами корреляции наблюдается лек-

сическое тождество, а во втором – отсутствие такового [28, 49-51].

Г.И. Лаврентьев в своей докторской диссертации «Морфемная структура слова и словообразование в современном марийском литературном языке», классифицируя все множество послекорневых служебных морфем по их функции, разделяет их на три группы: окончания, формообразующие суффиксы и словообразовательные суффиксы; отсюда разграничение словоизменения, формообразования, словообразования и их основ [19, 6].

М.В. Ямбулатова считает, что «отличительными признаками формообразования являются сохранение в производном системы лексических значений производящего и константность смыслового расстояния для всего ряда противопоставлений. Иначе говоря, если ряд образований, объединенных общностью формального показателя, постоянно демонстрирует один и тот же набор значений, остающийся для каждого члена неизменным, то этот ряд квалифицируется как парадигматический; если же отдельные члены демонстрируют различающиеся значения, а сам ряд может быть разбит на подтипы, то перед нами скорее всего ряд словообразовательный» [29, 16].

Таким образом, словообразовательные морфемы выполняют словообразовательную функцию и присоединяются к корневой морфеме, или к словообразовательному суффиксу, образуя вместе с ней лексическую основу. Словоизменительные суффиксы указывают на связь слов друг с другом. В высказывании эти суффиксы, как правило, не участвуют в формировании лексического значения слова и выполняют функцию выражения отношения между словами. Такие суффиксы называют синтаксическими морфемами. Формообразовательные суффиксы, образуя новые слова, изменяют их грамматическое и отчасти словообразовательное значения. Если словоизменительные суффиксы используются для связи слов в предложении, то образование форм слова не зависит от синтаксических условий [30, 41].

Е.С. Кубрякова, указывая на различный характер словообразовательных, словоизменительных и формообразовательных суффиксов, отмечает, что «по своему характеру дериваци-

онные значения – это значения классифицирующие, категориальные, и потому их носитель – деривационный суффикс – выполняет прежде всего классифицирующую роль по отношению к корню. <...> Если серия словоизменительных морфем имеет реляционный характер и если взаимозамена таких морфем ведет к изменению синтаксической сочетаемости слов, мы действительно наблюдаем словоизменительную, а не формообразовательную или деривационную морфему. <...> Формообразованием, в отличие от словоизменения, приводящего к возникновению (готовой) словоформы, надлежит считать такой процесс синхронного конструирования вторичных последовательностей, который по самой своей сути связан с образованием новой основы, однако основы, выражающей не новое индивидуальное лексическое значение, а новое грамматическое или системное значение» [26, 149-234].

Следовательно, разделение суффиксов на словообразовательные, формообразовательные и словоизменительные типы базируется на комплексе функционально-семантических структур и дистрибутивных признаков. С помощью этих разных типов морфем в языке создаются разные структурные единицы, и их основное значение связано именно с образованием этих единиц.

В хантыйском языке к словоизменительным суффиксам следует отнести суффиксы падежа – дательного-направительного и местно-творительного (*unta jōχatsəw* ‘пришли в лес’, *utən usəw* ‘были в лесу’), числа – двойственного и множественного (*ūleŋən* ‘олени (два)’, *ūlet* ‘олени’), принадлежности лица и предмета (*ōχet* ‘(моя) голова’, *ōχen* ‘(твоя) голова’ и т.д.). Сюда же следует отнести суффиксы повелительного наклонения (*weralən* ‘делайте!’), формы которого противостоят всем остальным наклонениям – как реальному, так и нереальному; его формы не различают грамматических лиц, т.е. они чисто числовые, как в индикативе. Словоизменительными являются суффиксы лица и числа глагола (*šuslät* ‘шагаю’, *šuslən* ‘шагаешь’); различают два вида форм: субъектные и объектные, и числовые показатели являются единственными выразителями наклонения; времени (*tojlät* ‘(я) стою’, *lojsät*

‘(ты) стоял’). Присоединение суффиксов данной группы не может изменить значение основы и не может показать отношение слов к какой-нибудь грамматической категории. В словоупотреблении они являются лишь связующими средствами. То есть словоизменительные суффиксы – это суффиксальные морфемы, изменяющие слова и словоформы для их связи в предложении.

Формообразовательные суффиксы, придавая основной морфеме (корневой или производной основе) новую форму, определяют грамматическую функцию данного слова. Они не влияют на взаимоотношения слов в предложении, т.е. образуют несинтаксические грамматические формы. Формообразовательные суффиксы, присоединяясь к основе слова, не создают новых слов. Они придают словам лишь новые формы и определяют их отнесенность к какой-нибудь грамматической категории внутри одной части речи и изменяют их грамматическое и отчасти словообразовательное значение. Если словоизменительные суффиксы используются для связи слов в предложении, то образование форм слова не зависит от синтаксических условий. К формообразовательным относятся морфемы инфинитива (*werti* ‘делать’), морфемы залога (*l'ōχətəti* ‘мыться’ – возвратный (или рефлексивный) залог), степень сравнения имен прилагательных (*tinəŋšək* ‘дороговатый’; *tam jernas tinəŋšək* ‘это платье дороговатое’), уменьшительные суффиксы существительных (*nanije* ‘хлебушек’) и прилагательных (*ajije* ‘маленький (по размеру, возрасту)’; *jernasem ajije* ‘платье (мое) маленькое (букв. маловатенькое’), морфемы причастий (*werti* ‘делаемый, делающий’, *werəm* ‘делавший, сделанный’) и деепричастий (*ariman* ‘напевая’).

В хантыйском языке наиболее распространенным словообразовательным способом является суффиксальная деривация. Словообразовательные морфемы выполняют словообразовательную функцию и присоединяются к корневой морфеме, образуя вместе с ней лексическую основу, например: *χiw-at* ‘длина’, *χol-lər* ‘плач’, *jink-i* ‘мокрый’, *tāj-əŋ* ‘острый’, *χoš-ət* ‘теплый’, *wan-ən* ‘вблизи’, *nāχ-tan* ‘шутя’, *jōχt-əptə-ti* ‘доводить (до конца)’.

ij-lə-ti ‘брать (на короткое время)’, *lärpi-lə-ti* ‘распускаться’ и т.д. Деривационные морфемы могут примыкать и к словообразовательному суффиксу. Часто используются такие комбинации видовых (или видовых и залоговых суффиксов), например: *ätər-mə-lə-ti* ‘черпать (несколько раз)’, *joly-əlt-i-ti* ‘прохлаждаться’, *mosəlt-ant-i-ti* ‘целоваться’.

Итак, на материале шурышкарского диалекта хантыйского языка мы убедились, что добавление суффиксов различного типа ведет к различным последствиям. Если присоединение словообразовательных суффиксов имеет целью модифицировать значение исходной единицы, то добавление формообразовательного и словоизменительного суффиксов не сказывается на вещественном значении корня и основы, которые в процессе этого прибавления не трансформируются. Принципиальную разницу между функциями данных суффиксов в строении и функционировании языка мы усматриваем главным образом в том, что они формируют разные структурные единицы и употребляются в разных целях. То есть словообразовательные суффиксы предназначаются для создания новых единиц, а формообразовательные – для организации и употребления единиц номинации в составе предложения. Формообразовательные суффиксы включают в себя такие внутрикатегориальные суффиксы глагола, как залоговые суффиксы, суффиксы причастий и деепричастий и др. При добавлении формообразовательных суффиксов появляется новая словоформа, которая показывает новое грамматическое или системное значение, а не новое индивидуальное лексическое значение.

Формообразовательные суффиксы добавляются как к корням-основам непосредственно, так и к соединительным морфемам, а к производным основам – после словообразовательных суффиксов, к словоизменительному суффиксу и другому формообразовательному суффиксу. Они по своим свойствам занимают промежуточное положение между словообразовательными и словоизменительными суффиксами.

Словоизменительные суффиксы, присоединяясь к корням-основам или производным

основам, или формообразовательным суффиксам, представляют чисто грамматические показатели склонения, сказуемости, притяжательности. При добавлении словоизменительного суффикса форма отправной единицы (корня-основы, производной основы) и ее лексическое значение не претерпевают никаких модификаций, новое грамматическое значение наслаивается лишь на лексическое значение основы.

Подобное деление суффиксов на словоизменительные, словообразовательные и формообразовательные не значит, что каждая группа суффиксов осуществляет только лишь ей свойственные функции. Порой одни и те же показатели в хантыйском языке могут выступать по-разному: в одних словоформах – как словоизменительные, в других – как словообразовательные. Так, например, обстоит дело с суффиксами падежей, которые в ряде слов выполняют словообразовательную роль.

Суффиксы, выполняющие двойственную роль, это так называемые омонимичные морфемы. Дело в том, что двойная функция суффиксов связана с тем, что между словообразовательными, словоизменительными и формообразовательными суффиксами, как и во всех слоях языковых явлений, нет четкой границы, поэтому они постоянно взаимодействуют друг с другом. В семантике формантов наблюдается переплетение словообразовательных, словоизменительных и формообразовательных значений, что и приводит к синкретизму и морфологической омонимии.

И в то же время случаи грамматической омонимии, разумеется, не нарушают того правила, когда, например, «в одну грамматическую категорию объединяются взаимоисключающиеся значения – т.е. такие, которые не могут быть выражены одновременно в одной и той же словоформе данного языка» [12, 32-33]. Так, случаи грамматической омонимии в хантыйском языке, которые имеются у существительного $-(ə)n^1$ – аффикс местно-творительного падежа и у глагола $-(ə)n^2$ – аффикс второго лица множественного числа, например: *χop-ən* ‘в лодке’, *χot-ən* ‘в доме’ и *mäts-ən* ‘(ты) ушел’, *jöχəts-ən* ‘(ты) пришел’, безусловно, не нарушают этого правила. Ведь омонимия как раз

свидетельствует о том, что перед нами разные словоформы, у которых лишь совпадает план выражения (в отличие от подавляющего большинства словоформ данного языка, которые эти значения – в данном языке – различают формально). Это феномен формального неразличения значений, а не их синтагматического совмещения.

Особый вид аффиксальных морфем, которые не обладают семантической значимостью, но принимают участие как в словообразовании, так и в словоизменении, представляют *соединительные морфемы*. Они соединяют суффиксы друг с другом или корневую морфему с суффиксальными морфемами.

Исследователи мордовских языков описывают соединительные (реляционные) морфемы. По их утверждению они являются как бы прокладками между другими морфемами в составе слова. Подобные наименьшие единицы «способствуют устранению на стыке морфем звуко сочетаний, нетипичных для структуры слова и неудобных для произношения» [31, 74-75].

Н.М. Шанский соединительные гласные в сложных словах русского языка называет морфемами, замечая при этом, что «... Соединительные гласные в сложных словах предстают перед нами как морфемы, значение которых является чисто словообразовательным и сводится к простой идее соединения» [32, 104].

Другие исследователи считают их интерфиксами (Н.С. Трубецкой), асемантическими морфемами (Ю.С. Маслов). А.Н. Тихонов, существенно расширяя список подобных единиц, называет «... структемами, т.е. такими единицами, которые участвуют лишь во внешнем оформлении словоформы, не участвуя в формировании ее содержания» [4, 48].

Ряд исследователей не выделяют соединительные морфемы в разряд особых аффиксальных единиц, а при членении слов на отдельные морфемы подобного рода элементы они включают в состав предшествующих морфем. Так, Т.Г. Ванцова придерживается мнения тех исследователей, которые считают соединительные морфемы особыми аффиксальными единицами. И считает, что «морфемы, которые выполняют какую-либо функцию, необходимо

выделить в отдельную группу. Следовательно, возможно, что соединительные морфемы, принимающие участие как в словообразовании, так и в словоизменении, являют собой особый вид дополнительных морфем» [13, 29-30].

В хантыйском языке такой соединительной морфемой является редуцированный гласный (ə). В словоформах *χор-ə-п* ‘в лодке’, *χот-ə-л* ‘(его) дом’ соединяет корни слов с суффиксами, а в словах *wōjt-ə-mt-ə-saj-ə-t* ‘засыпали (кратковременно)’ соединяет друг с другом суффиксы. Более того, в первом случае редуцированная гласная, будучи фонемой /ə/, является оформителем лично-притяжательных и падежных суффиксов. Ее независимый фонемный статус подтверждается рядом минимальных пар: *pāsānen* ‘твой стол’ – *pāsānən* ‘ваш (дв., мн.) стол’, *ōjəl* ‘его счастье’ – *ōjel* ‘их (мн.) счастье’, *nepeken* ‘твоя книга’ – *nepekən* ‘в книге (м.-тв.)’.

И все же основная функциональная нагрузка редуцированного гласного (ə) в разделении согласных, при словообразовании, словоизменении и формообразовании. Тем не менее, ее морфемный статус, однако, необходимо еще уточнить. Хотя, судя по имеющимся материалам, она выражает наиболее абстрактное значение, сводящееся к объединению значений тех или иных составляющих в единое сложное значение. В таком случае к подобным единицам можно было бы отнести и все прочие эпентезы, возникающие в слове под влиянием определенных морфонологических или фонетических условий звука, отсутствовавшие в первоначальной форме слова. Они также принимают участие в словообразовании, словоизменении и формообразовании и при этом не обладают семантической значимостью.

Необходимо отметить, что аналогичный редуцированный гласный констатируется в языках различных генетических общностей, например, в мансийском [32, 22-23], в армянском [23, 261-265], в английском [33, 225-226].

Также надо обратить внимание и на некоторые суффиксы, которые требуют эпентетический гласный *-i-*, появляющийся в большинстве случаев при присоединении суффикса к консонантной основе, например, *pōtārt-i-lijəl* ‘он говорит’, *wōj-i-lal* ‘его звери’.

В данном случае он является не частью суффикса и должен трактоваться как эпентетический, т.к. он отсутствует после вокалических основ и не вызывает выпадения *ə* основы, как другие суффиксы, начинающиеся с гласного. Не имеет регулярного характера и не является проявлением общей закономерности при возникновении сочетаний трех согласных, труднопроизносимого сочетания двух согласных или после *j* перед суффиксом множественного числа обладаемого в лично-притяжательном склонении, например, *unš-i-lal* 'его сосны', *sojɟ-i-lal* 'его неводы', *waj-i-lal* 'его кисы'. В некоторых случаях при присоединении суффикса любой структуры к основе на *-a* появляется эпентетический согласный *-j*, *porɟa-j-ət* 'малицы (детские)', *puta-j-em* 'моя ноша'.

На наш взгляд, главная проблема описания подобных отклонений состоит в том, что морфема (т.е. материальный носитель некоторого языкового значения) уже не может быть выделена в результате простой линейной сегментации текста на фонемы. И для ответа на вопрос «чем выражается в этом случае данное значение?» требуются более сложные процедуры лингвистического анализа. Отметим только то, что аналогичные явления встречаются в казымском и приуральском диалектах хантыйского языка, где исследователями этих диалектов они называются эпентезами [22, 37-39; 17, 44-49].

Префиксоиды. Следует заметить, что феномен аффиксоидов как переходного явления в языке исследуется лингвистами достаточно продуктивно (см., например, работы Э.Л. Григоряна, В.В. Лопатина, Н.А. Николиной, М.Д. Степановой, Н.М. Шанского, В.Н. Немченко и др.). Между тем до сих пор нет устоявшегося мнения как о их статусе в системе прочих значимых частей слова, так и о возможностях их типизации. Учеными даются различные критерии выделения аффиксоидов (полуаффиксов). В.Н. Немченко называет аффиксоидами морфемы переходного характера, которые «в большей мере сходны с корневыми морфемами, чем со служебными» [34, 66]. Отмечается также обязательная регулярность аффиксоидов, мотивированность содержащих их слов, функционально-семантическая близость

к аффиксу [34, 58-67]. На наш взгляд, комплексная оценка морфемного статуса может учитывать ряд критериев, не отрицающих, но дополняющих друг друга. Морфема переходного типа, по всей видимости, синкретически сочетает в себе признаки аффикса и радикаса, и поэтому ее собственные признаки являются переходными, эволюционирующими.

Известно, что в финно-угорском (а также уральском) языке-основе префиксального способа словообразования как такового не было. Большинство финно-угроведов считает это угорской особенностью. Вероятно, что данная категория появилась сравнительно поздно в результате конвергентного развития [24, 55].

Аналогичные явления наблюдаются во многих современных финно-угорских языках. Например, образование форм превосходной степени прилагательных или наречий при помощи префиксов имеются в коми и венгерском языках: коми *мед-бур* 'самый хороший' (*-бур* 'хороший'), венг. *meg-tagabb* 'самый просторный' (*-tagabb* 'более просторный'). Любопытно, что при помощи префиксальных частиц сформированы местоимения и местоименные слова в венгерском, удмуртском языках, например, венг. *a-ki* 'кто', удм. *от-кинка* 'кто-то', *akw-ta* 'тот же'. В венгерском с помощью префиксов образованы глаголы, например, *meghámoz* 'очистить', *meghibásodik* 'испортиться', *kiszáll* 'выходить, выйти', *kiszárad* 'высохнуть' и т.д.

В хантыйском языке префиксов в «чистом виде» нет, все же в процессе активного формирования языков и словотворчества в хантыйском языке возникли элементы, выступающие в составе слов в роли префиксов, так называемые префиксоиды или превербы [17, 74-77; 22, 55-56]. В.Н. Соловар, исследуя парадигму простого предложения в хантыйском языке, а именно валентностные свойства хантыйского глагола, среди прочих морфологических средств выделяет префиксоиды. И отмечает, что в составе предиката «морфологические средства, которые, в разных отношениях модифицируя семантику глагола, к которому они присоединяются, позволяют изменять число глагольных валентностей. <...> Можно утверждать, что валентность, в свою очередь, зависит от характера глагольной основы, в

частности от наличия / отсутствия превербов и набора аффиксов. <...> Глагольный преверб – это словообразовательный элемент наречного происхождения, который модифицирует или изменяет значение глагола в зависимости от синтаксической сочетаемости. Изменение лексического значения глагола может изменить его валентность, и, сочетаясь с одним и тем же глаголом, разные превербы формируют разные системы валентностей» [18, 13-25].

В шурышкарском диалекте глаголы образуются с помощью сочетания глагольной основы и зависимого наречия, так называемого приставочного слова – элемента, этимологически связанного с наречиями места, например: *nik mǎnti* ‘идти вниз по реке’, *nǒχ aremati* ‘запеть’, *kim etti* ‘выйти’ и т.д. Одни из них не приданюют основе глагола нового лексического значения, например: *jǎχa ǒlti* ‘соединить’, *lǎp petti* ‘закрыть’, другие имеют чисто лексическое значение и образуют глаголы определенной семантики, например: *jǒχi jǒχǎtti* ‘прийти домой’, *šǒppi ewǎtti* ‘перерезать’, *jeł esǎtti* ‘стрелять вперед’ и др.

Термин *побочные морфемы* традиционно употреблялся в исследованиях тюркских ученых Х. Жубанова, А. Ибатова, А. Калыбаевой, Н. Оралбаевой и в работе мордовского исследователя Т.Г. Ванцовой.

По мнению Т.Г. Ванцовой, «побочные морфемы обычно выражают грамматические отношения основных морфем, уточняют и дополняют грамматические значения и различного рода оттенки основных морфем. Они не обладают конкретными значениями и употребляются после основных морфем» [13, 31-33].

В их числе оказываются усилительные слова: *met* ‘самый’, *šǎχ* ‘совсем’, *šek* ‘очень’, частицы отрицания: *ǎnta / ǎt* ‘не, ни’; сравнительные, усилительные и модально-волевые частицы: *isi mǎtti* ‘будто бы’, *mǎtti* ‘будто’, *mǎtti ki* ‘словно’, *ja* ‘ну’, *at* ‘пусть’; вспомогательные глаголы, употребляющиеся для оформления прошедшего и будущего времени: *Ma ǒša pajtsem* ‘Я стал понимать’, *ariti pitluw* ‘будем петь’.

Таким образом, придерживаясь жесткого размежевания понятий «слово» и «словоформа» и исходя из того, что слово как лексикограмматическая и синтаксически целостная единица языка выражает систему словоформ, а словоформа – одна из разнообразных проявлений слова, в хантыйском языке по составу слова можно разделить на составные части. Все морфемы нами подразделяются на *основные* (лексические), являющиеся ядром слова и выступающие по своим значениям и функциям самостоятельными словами, и *дополнительные* (грамматические), являющиеся связанными, зависимыми, которые не могут употребляться вне основных морфем.

Литература

1. Цыганкин Д.В. Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. Саранск: Красный Октябрь, 2000. 316 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1995. 685 с.
3. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика: проблемы и принципы описания. М.: Наука, 1977. 316 с.
4. Тихонов А.Н. Морфема как значимая часть слова // Филологические науки. – 1971. – № 6. – С. 46-50.
5. Федюнева Г.В. Морфема // Коми язык. Энциклопедия / Отв. ред. Г.В. Федюнева. М.: ДиК, 1998. С. 267-268.
6. Федюнева Г.В. Морфемный состав и морфологический тип коми языка. Сыктывкар: Коми научный центр УРОРАН, 1992. 36 с.
7. Лаврентьев Г.И. Состав слова и словообразование в современном марийском языке // Советское финно-угроведение. – 1982. – № 2. – С. 94-100.

8. Плуноян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
9. Кузнецов П.С. О принципах изучения грамматики. М.: Едиториал УРСС, 2003.
10. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М.: Едиториал УРСС, 2004.
11. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М. 2003. 536 с.
12. Плуноян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003.
13. Ванцова Т.Г. Морфемная структура мокшанского слова: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2005.
14. Цыганкин Д.В. Исторические изменения в морфемной структуре мордовского слова // Вопросы языкознания. 1975. Вып. 2. С. 3-24.
15. Рябов И.Н. Словообразовательные отношения между частями речи в эрзянском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2000. 16 с.
16. Каксин А.Д. Категория наклонения-времени в северных диалектах хантыйского языка. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000.
17. Николаева И.А. Обдорский диалект хантыйского языка. Гамбург, 1995.
18. Соловар В.Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Новосибирск, 2009.
19. Лаврентьев Г.И. Морфемная структура слова и словообразование в современном марийском литературном языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Йошкар-Ола, 1994. 46 с.
20. Больдт Е.П. Сложные слова – хранители древней лексики (на материале нганасанского языка) // Языки народов Севера Сибири / Отв. ред. М.И. Черемисина. Новосибирск, 1986. С. 102-109.
21. Хантыйский язык / Под ред. Е.А. Немисовой. Л.: Просвещение, 1988.
22. Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2007.
23. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
24. Основы финно-угорского языкознания: вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / Отв. ред. В.И. Лыткин. М.: Наука, 1974. 480 с.
25. Цыганкин Д.В. Словообразование в мордовских языках. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1981. 81 с.
26. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. М.: Наука, 1974. 320 с.
27. Абдуллина Г.Р. Формообразование и словоизменение в башкирском языке (функционально-семантический аспект). Уфа, 2009.
28. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976. С. 32.
29. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. М., 1992.
30. Деваев С.З. Морфологическое строение слова в мордовских языках // Финно-угристика. 1978. Вып. 1. С. 33-52.
31. Грамматика мордовских языков. Фонетика. Графика. Орфография. Морфология / Под ред. Д.В. Цыганкина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1980. 430 с.
32. Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык. М.: Наука, 1973. 203 с.
33. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960. С. 19.
34. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. М.: Высшая школа, 1994. 255 с.

References

1. Cyganin D.V. Mordovskie jazyki glazami uchenogo-lingvиста. Saransk: Krasnyj Oktjabr', 2000. 316 s.
2. Lingvisticheskiy jenciklopedicheskiy slovar' / Gl. red. V.N. Jarceva. M.: Sov. Jenciklopedija, 1995. 685 s.
3. Lopatin V.V. Russkaja slovoobrazovatel'naja morfemika: problemy i principy opisanija. M.: Nauka, 1977. 316 s.
4. Tihonov A.N. Morfema kak znachimaja chast' slova // Filologicheskie nauki. – 1971. – № 6. – S. 46-50.
5. Fedjuneva G.V. Morfema // Komi jazyk. Jenciklopedija / Отв. ред. G.V. Fedjuneva. M.: DiK, 1998. S. 267-268.

6. Fedjuneva G.V. Morfemnyj sostav i morfologičeskij tip komi jazyka. Syktyvkar: Komi nauchnyj centr URORAN, 1992. 36 s.
7. Lavrent'ev G.I. Sostav slova i slovoobrazovanie v sovremennom marijskom jazyke // Sovetskoe finno-ugrovedenie. – 1982. – № 2. – S. 94-100.
8. Plungjan V.A. Vvedenie v grammatičeskiju semantiku: grammatičeskie znachenija i grammatičeskie sistemy jazykov mira. M., 2011.
9. Kuznecov P.S. O principah izučeniija grammatiki. M.: Editorial URSS, 2003.
10. Admoni V.G. Osnovy teorii grammatiki. M.: Editorial URSS, 2004.
11. Reformatskij A.A. Vvedenie v jazykovedenie. M. 2003. 536 s.
12. Plungjan V.A. Obwaja morfologija. Vvedenie v problematiku. M.: Editorial URSS, 2003.
13. Vancova T.G. Morfemnaja struktura mokshanskogo slova: dis. ... kand. filol. nauk. Saransk, 2005.
14. Cygankin D.V. Istoricheskie izmeneniija v morfemnoj strukture mordovskogo slova // Voprosy jazykoznanija. 1975. Vyp. 2. S. 3-24.
15. Rjabov I.N. Slovoobrazovatel'nye otnosheniija mezhdju chastjami reči v jerzjanskom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saransk, 2000. 16 s.
16. Kaksin A.D. Kategorija nakloneniija-vremeni v severnyh dialektah hantyjskogo jazyka. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2000.
17. Nikolaeva I.A. Obdorskij dialekt hantyjskogo jazyka. Gamburg, 1995.
18. Solovar V.N. Paradigma prostogo predloženija v hantyjskom jazyke (na materiale kazymskogo dialekta). Novosibirsk, 2009.
19. Lavrent'ev G.I. Morfemnaja struktura slova i slovoobrazovanie v sovremennom marijskom literaturnom jazyke: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Joshkar-Ola, 1994. 46 s.
20. Bol'dt E.P. Slozhnye slova – hraniteli drevnej leksiki (na materiale nganasanskogo jazyka) // Jazyki narodov Severa Sibiri / Otv. red. M.I. Cheremisina. Novosibirsk, 1986. S. 102-109.
21. Hantyjskij jazyk / Pod red. E.A. Nemysovoj. L.: Prosvewenie, 1988.
22. Kaksin A.D. Kazymskij dialekt hantyjskogo jazyka. Hanty-Mansijsk, 2007.
23. Uluhanov I.S. Slovoobrazovatel'naja semantika v russkom jazyke i principy ee opisaniija. M.: Izd-vo LKI, 2007.
24. Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija: voprosy proishozhdenija i razvitija finno-ugorskih jazykov / Otv. red. V.I. Lytkin. M.: Nauka, 1974. 480 s.
25. Cygankin D.V. Slovoobrazovanie v mordovskih jazykah. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 1981. 81 s.
26. Kubrjakova E.S. Osnovy morfologičeskogo analiza. M.: Nauka, 1974. 320 s.
27. Abdullina G.R. Formoobrazovanie i slovoizmenenie v bashkirskom jazyke (funkcional'no-semantičeskij aspekt). Ufa, 2009.
28. Bulanin L.L. Trudnye voprosy morfologii. M., 1976. S. 32.
29. Babajceva V.V. Russkij jazyk. Teorija. M., 1992.
30. Devaev S.Z. Morfologičeskoe stroenie slova v mordovskih jazykah // Finno-ugristika. 1978. Vyp. 1. S. 33-52.
31. Grammatika mordovskih jazykov. Fonetika. Grafika. Orfografija. Morfologija / Pod red. D.V. Cygankina. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 1980. 430 s.
32. Rombandeeva E.I. Mansijskij (vogul'skij) jazyk. M.: Nauka, 1973. 203 s.
33. Trubeckoj N.S. Osnovy fonologii. M., 1960. S. 19.
34. Nemchenko V.N. Sovremennyj russkij jazyk. Slovoobrazovanie. M.: Vysshaja shkola, 1994. 255 s.